

Тонкие и мягкие волосы оказались именно такими, какими он их себе представлял. Под его ладонью юноша напоминал маленького зверька, который покорно ждет утешения.

Лу Чун вспомнил своего старого кота, живущего у него дома, и его взгляд стал еще мягче, хотя голос оставался холодным:

— Теперь-то наконец понял, каково это — страдать?

— Я всегда это знал, — помолчав, тихо ответил Ло Вэньчэн. — Раньше я мог терпеть, но вдруг... расхотелось. Господин, может быть, я ваш давно потерянный младший брат?

Лу Чун опешил: — Почему ты так решил?

— Иначе почему я постоянно встречаю именно вас? И почему вы так обо мне заботитесь? — Ло Вэньчэн уткнулся лицом в живот мужчины, вдыхая его чистый и приятный аромат.

Хриплым голосом он продолжил: — Я хотел просто уснуть и больше не просыпаться. Но когда я открыл глаза и снова увидел вас, мне стало и грустно — «ах, почему я всё-таки очнулся», — и в то же время очень радостно... Радостно, что я снова вижу вас. Я не знаю, как это объяснить. Пожалуйста, не сердитесь на меня, я и сам не понимаю, что со мной происходит.

К концу фразы его голос сорвался на всхлип. В нем слышалась растерянность перед жизнью, отвращение к самому себе и безмерная усталость от всего на свете. Он и сам ненавидел себя — такого пассивного и слабого, но в этой жизни, казалось, не осталось ничего, чего стоило бы ждать. Единственное, что ему оставалось — это изо всех сил цепляться за единственный лучик света в своих руках.

Лу Чун смотрел на него сверху вниз, и в его душе наконец шевельнулось отвращение к семье Ло и этому Ло Вэньцзюню. Довести нормального ребенка до такого состояния...

— Госп... — дверь палаты внезапно распахнулась.

Лю Вэйчжи собирался войти, ведя за собой врачей, но, увидев эту сцену, едва не выронил глаза от изумления. Он замер на пороге и лишь секунду спустя выдавил:

— Э-э... врачи пришли.

Боже, что он видит! Господин, который всегда терпеть не мог чужих прикосновений, прижимает Ло Вэньчэна к себе и — более того — поглаживает его по волосам!

Услышав голос Лю Вэйчжи, Ло Вэньчэн мгновенно пришел в себя. Осознав, что его слабость и поиски утешения стали достоянием посторонних, он смутился и поспешно отстранился от Лу Чуна, снова ложась на подушку.

Если бы не покрасневшие глаза, можно было бы подумать, что ничего не произошло.

Лу Чун же вел себя как ни в чем не бывало, уступая место врачу для осмотра.

Врач спросил Ло Вэньчэна о самочувствии. Тот ответил, что голова кружится и немного болит, а во всем теле чувствуется вялость.

Доктор заключил, что он еще не полностью восстановился, и ему нужен покой и отсутствие душевных волнений.

Когда врачи ушли, Лу Чун снова обратился к Ло Вэньчэну:

— Отдыхай и не забивай голову лишним. Ты еще так молод, что бы ни случилось, не вздумай больше шутить со своей жизнью.

Когда это Лу Чун говорил кому-то подобные слова утешения? Да еще таким мягким тоном? Лю Вэйчжи и стоящие в дверях люди были просто поражены, глядя на Ло Вэньчэна с растущим любопытством и недоумением.

Лу Чун добавил еще пару успокаивающих фраз, пообещал навестить его позже и вышел вместе с Лю Вэйчжи.

Убедившись, что Ло Вэньчэн их не слышит, он приказал Лю Вэйчжи остаться и присмотреть за юношей.

Лю Вэйчжи закивал:

— Я примчался, как только узнал новости. В больнице со всеми договорился, не волнуйтесь, господин.

— Выясни всё об их вражде с семьей Ло. И о том, что происходило с ним в тюрьме, тоже разузнай. — Для Лу Чуна Хайнин был захолустьем, и он, разумеется, не интересовался дрязгами местного богача.

Хотя в баре Лю Вэйчжи успел вкратце обрисовать ситуацию, это было лишь поверхностное знакомство с фактами.

Но события этой ночи и вид хрупкого, беспомощного юноши в палате вызвали у него желание узнать больше.

Лю Вэйчжи серьезно кивнул, решив поручить это дело самому опытному человеку, чтобы не упустить ни одной детали.

После той ночи Ло Вэньчэн не видел Лу Чуна несколько дней.

Его оставили в больнице под наблюдением и заставили пройти через всевозможные анализы. В госпитализации его всё устраивало, кроме ежевечернего «времени расплаты».

Чтобы никто не заметил странностей, он решил принимать душ около полуночи, зажимая в зубах полотенце, чтобы не закричать от невыносимой боли. Каждый раз он замирал на добрых сорок минут, из-за чего сиделка начинала всерьез беспокоиться, не случилось ли с ним чего в ванной.

Дни становились всё холоднее, и в один из редких солнечных дней Ло Вэньчэн вышел в больничный сад. С небольшим планшетом для рисования он устроился под деревом.

У него и раньше были способности к рисованию, а после получения «подарка судьбы» его навыки понимания и обучения заметно возросли. За несколько дней практики его наброски стали выглядеть вполне профессионально.

Хотя Лу Чун больше не появлялся, Ло Вэньчэн, сделав первый шаг, не собирался отказываться от мысли сблизиться с ним.

У такого человека, как Лу Чун, есть власть, богатство и всё, что только можно пожелать. Его любовники и подчиненные наверняка обладают выдающимися качествами. Чтобы стать ближе к такому мужчине, нельзя быть посредственностью.

Жалость — это инструмент, который хорош один раз, но если пользоваться им постоянно, он вызовет лишь раздражение.

Резьба по дереву или искусство бармена — это лишь приятные бонусы для создания настроения. Рисование же больше походило на настоящий талант, который вызывает уважение. К тому же это занятие выглядело совершенно безобидным.

— Старший братик, ты рисуешь? — к нему подбежал мальчик в больничной пижаме, чтобы забрать укатившийся мяч, и с любопытством заглянул в планшет.

Ло Вэньчэн улыбнулся ему: — Да.

— Ого, как здорово! Ой! А это я?

Вэньчэн рисовал быстрый набросок: родители играют с ребенком в мяч. Малыш на рисунке — как раз этот мальчик — бежал за мячом с широкой улыбкой, от которой становилось светлее на душе.

Внезапно Ло Вэньчэн что-то почувствовал и поднял голову. По подъездной дорожке медленно катился черный «Ауди».

Лу Чун сидел в машине и издали увидел юношу под деревом. Тот был в белом свитере и с мягкой улыбкой разговаривал с ребенком. Он выглядел спокойным, утонченным и интеллигентным.

Вдруг юноша поднял взгляд в его сторону. В этот момент порыв ветра всколыхнул ветви над его головой, и луч солнца упал прямо на его лицо, делая его облик ослепительно чистым и благородным.

Лу Чун слегка прищурился. На сиденье рядом лежал конверт с досье на Ло Вэньчэна: всё, через что он прошел и что совершил с самого детства.

Припарковав машину, Лу Чун дал себе минуту, чтобы обдумать кое-какие вещи, а затем вышел и направился к нему.

Ло Вэньчэн как раз извинялся перед родителями мальчика:

— ...Прошу прощения, что начал рисовать вас без разрешения.

Родители, напротив, были в восторге — набросок был выполнен мастерски. Мальчику он тоже очень понравился, и Ло Вэньчэн подарил им рисунок.

Лу Чун подошел к нему: — Ты еще и рисуешь.

Ло Вэньчэн на мгновение замер, а затем с нескрываемой радостью воскликнул:

— Господин Лу!

За те дни, что он лежал в больнице, Лю Вэйчжи приходил каждый день. Когда Ло Вэньчэн окончательно пришел в себя и его состояние стабилизировалось, он, разумеется, начал

расспрашивать о своем спасителе. Лю Вэйчжи сначала отнекивался, но позже всё же назвал имя — Лу Чун.

Ло Вэньчэн... так получил окончательное подтверждение.

Обычный человек мог бы никак не отреагировать на имя «Лу Чун», но Ло Вэньчэн, будучи в прошлом «маленьким принцем» семьи Ло, слишком хорошо понимал, какую власть и статус оно олицетворяет.

Поэтому сейчас на его лице сначала отразились благодарность, радость и теплота при виде спасителя, а затем промелькнула легкая робость перед его статусом.

Он мастерски сочетал эти эмоции.

В руках у него всё еще были планшет и карандаш, и он, не зная, куда их пристроить, пробормотал:

— Я так благодарен вам! Вас не было несколько дней, и я боялся, что мне не представится шанс сказать «спасибо». Если бы не вы, я даже не знаю, что бы со мной сейчас было.

Лу Чун слегка приподнял бровь. Этот восторженный и немного неловкий юноша отличался от того «дурачка», каким он был той ночью. Но почему-то при виде этого человека и при звуках его голоса в душе Лу Чуна, до этого момента абсолютно спокойной, пошла легкая рябь.

Казалось, любая встреча с ним вызывала эмоциональный отклик: будь то нелепая искренность на мосту, горькая самоирония в уборной, стойкость перед лицом обидчиков, уверенность за барной стойкой, хрупкая незащитность после выпивки или нынешнее восторженное смущение. Всё в нем почему-то цепляло взгляд. Этот человек будто самой природой был создан так, чтобы идеально соответствовать его вкусам.

<http://bllate.org/book/17205/1611454>